

УДК 343.21

DOI 10.52928/2070-1632-2021-56-5-120-130

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

канд. юрид. наук, доц. А.В. КОВАЛЬЧУК

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3132-9293>; kovalchusha@mail.ru

Исследуется декриминализация, являющаяся методом уголовно-правовой политики. Автором обосновывается деление декриминализации по формам ее осуществления на законодательную и правоприменительную. Анализируется правовая природа правоприменительной декриминализации. На основе выделенных автором признаков формулируется ее понятие. Отмечаются проблемы реализации правоприменительной декриминализации, связанные с толкованием оценочных признаков, наличием законодательных проблем, выраженных в межотраслевой рассогласованности уголовного и административного законодательства, а также формулирования квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений, не связанных с совершением деяния, образующего основной состав этих преступлений. На основе проведенного исследования, анализа законодательства и теоретических воззрений формулируется вывод о наличии законодательной основы правоприменительной декриминализации, аргументируется вывод о наличии феномена является одной из важнейших составляющих правоприменительной экономики уголовно-правового воздействия, способствующий реализации принципа справедливости уголовного закона и уголовной ответственности.

Ключевые слова: декриминализация, криминализация, малозначительность деяния, методы уголовно-правовой политики, правоприменительная декриминализация, уголовно-правовая политика, усмотрение правоприменителя.

Введение. В качестве метода¹ уголовно-правовой политики наряду с криминализацией выступает декриминализация, под которой в теории уголовного права понимается процесс отмены, исключения уголовной ответственности за те или иные деяния, ранее признававшиеся преступлениями, в том числе перевод этих деяний в категорию менее значительных правонарушений (административных, дисциплинарных и др.) [4, с. 17]. Приведенная дефиниция декриминализации является не единственной, но общепринятой, поддерживаемой большинством исследователей. Следует отметить, что отдельные ученые, определяя декриминализацию, необоснованно, на наш взгляд, включают в ее понятие депенализацию – отмену наказуемости деяния. Так, А.И. Коробеев полагает, что декриминализация есть процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовной наказуемости [5, с. 59]. Таким же недостатком характеризуются и определения декриминализации, предложенные Ю.Е. Духовником: «декриминализация выражается в сужении круга преступного и наказуемого путем выведения из него конкретных деяний и непризнания их преступными» [6, с. 19], а также А.В. Наумовым: «декриминализация – это исключение деяний из числа уголовно наказуемых, то есть отмена за их совершение уголовной ответственности» [7, с. 161].

Более конкретным представляется мнение Н.В. Радошной, которая под началом процесса декриминализации считает признание властью деяния утратившим общественную опасность, а результатом – исключение законодателем признаков состава преступления из Уголовного кодекса [8, с. 45]. Однако необходимо отметить, что декриминализацию не следует рассматривать узко – только как исключение законодателем определенных общественно опасных деяний или отдельных форм преступного поведения, обличенных в норму уголовного закона, из Особенной части УК. Декриминализация является более широкой категорией, предполагающей, наряду со сказанным, еще и ограничения или устранения преступности деяния, происходящие в нормах Общей части УК, а также в позитивном законодательстве, ссылки на которое содержатся или подразумеваются в бланкетных диспозициях Особенной части УК. При этом она выступает как процесс и результат правотворческой деятельности, по своему объему может быть как полной, так и частичной, по динамике – более или менее интенсивной, а по содержанию характеризоваться как качественными, так и количественными показателями. Таким образом, суть декриминализации сводится к сокращению либо исключению норм уголовного или бланкетного законодательства, влияющего на при-

¹ Общепринятой позицией в теории уголовного права считается рассмотрение декриминализации в качестве метода уголовно-правовой политики [1, с. 102]. Вместе с тем существуют точки зрения, согласно которым декриминализация это средство реализации уголовной политики [2, с. 90], форма реализации уголовно-правовой политики [3, с. 7] и др.

знание деяния преступным. Определив общие подходы к пониманию декриминализации, важным представляется затронуть вопрос о ее формах, поскольку заявленной теме исследования в теории уголовного права уделяется, на наш взгляд, не достаточно внимания.

Основная часть. В большинстве теоретических источников авторы не проводят дифференциации декриминализации на законодательную и правоприменительную, поскольку является очевидным, что субъектом декриминализации может выступать лишь законодатель. Именно он обладает исключительным правом нормотворчества. По убеждению Г.В. Крылова, декриминализация деяний, как направление реализации уголовной политики государства, является прерогативой законодателя [9, с. 6]. Вместе с тем идея деления декриминализации по формам ее осуществления на законодательную и правоприменительную не является новой, она была предложена еще советскими учеными Г.А. Злобиным, С.Г. Келиной и А.М. Яковлевым [10, с. 55], а позднее поддержана В.Н. Кудрявцевым [4, с. 26–30]. Под правоприменительной декриминализацией авторами подразумевается процесс освобождения лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, от обязанности претерпеть соответствующие ограничения и (или) лишения посредством толкования уголовного закона и разъяснения его смысла правоприменителем. Из этого следует, что основным отличием законодательной декриминализации от правоприменительной является то, что первая из названных воздействует на норму уголовного закона, а вторая – на практику ее применения. Так А.В. Наумовым, дополнившим существовавшие научные представления об исследуемом явлении, предложено в качестве декриминализации рассматривать фактическую частичную декриминализацию без изменения «буквы» закона, связанную с новым толкованием сохраняющей силу уголовно правовой нормы, сужающим объем запрещаемого этой нормой поведения [11, с. 128]. Ученый обосновывает рассматриваемое явление изменением правосознания правоприменителей, произошедшим вследствие трансформации нравственных представлений общества относительно общественной опасности отдельных уголовно-правовых запретов, вызвавшим фактическую их декриминализацию. В качестве примера автором приводится проблема отграничения художественного творчества от порнографии, состоящая в следующем. Ныне созданные кинематографами фильмы, содержащие достаточно откровенные сцены, ранее расценивались как безусловно порнографические, а создатели и демонстраторы этих картин были бы привлечены к уголовной ответственности за изготовление и распространение порнографических материалов. Однако сегодня общественное сознание и мораль оказались более терпимыми к этому явлению [11, с. 128–129], подобный жанр стал восприниматься как эротика, в связи с чем, указанные действия правоприменителем признаются не преступными. Следует прийти к выводу, что А.В. Наумов ведет речь ни о чем ином, как о правоприменительной декриминализации, при которой не законодатель, а правоприменитель решает вопрос признания деяния преступным. Однако необходимо обратить внимание на то, что ученый рассуждает не о фактической частичной декриминализации, сужающей объем противоправного поведения, а о полной декриминализации, исключающей общественную опасность содеянного. Если считать такую разновидность декриминализации частичной, то можно предположить, что другие подобные случаи будут расценены правоприменителем как преступные, что не соответствует реализации принципов справедливости уголовной ответственности и равенства граждан перед законом за содеянное.

Более точным подходом относительно правовой природы исследуемого нами явления характеризуется позиция Е.Г. Веселова, который полагает, что правоприменительная (частная) декриминализация имеет место, когда в результате осуществления правоприменительной деятельности отменено требование уголовного закона о привлечении лица к уголовной ответственности. При такой декриминализации каждое решение является уникальным, действует только для конкретного лица и конкретного деяния [12, с. 13].

Н.В. Радошнова, развивая воззрения А.В. Наумова, под правоприменительной декриминализацией понимает процесс, началом которого является выявление в совершенном деянии признаков состава преступления, предусмотренного УК, а результатом – установление несоответствия деяния признакам состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК с бланкетной диспозицией, а также в случаях изменения содержания уголовно-правовой нормы в сторону сужения объема запрещаемого этой нормой поведения [8, с. 160]. Как представляется, предложенный Н.В. Радошной подход не вносит ясность в понимание смысла анализируемого феномена. Во-первых, автор отождествляет правоприменительную декриминализацию с процессом прекращения квалификации преступления, который, как известно, сводится к юридическому выводу о несоответствии деяния признакам состава преступления. Во-вторых, исследователь не учитывает, что при правоприменительной декриминализации следует вести речь не об отсутствии в содеянном признаков состава преступления, а об отсутствии общественной опасности, присущей преступлению. В-третьих, в содержание правоприменительной декриминализации ученый включает различные по своей правовой природе такие два ее типа², как несоответствие совершенного деяния признакам состава преступления с бланкетной диспозицией (*имея в виду внесение изменений или дополнений*

² Автор обосновывает выделение двух типов правоприменительной декриминализации [3, с. 152].

в позитивное законодательство, сокращающих или устраняющих сферу уголовно-правового принуждения), и изменение содержания уголовно-правовой нормы в сторону сужения объема запрещаемого этой нормой поведения (изложенная нами ранее позиция А.В. Наумова) – выделенное дополнено нами – А.К.). Не сложно заметить и то, что, выделяя первый тип правоприменительной декриминализации, Н.В. Радошнова фактически ведет речь о законодательной декриминализации, носящей «скрытый» характер, выражающейся в корректировке норм иных отраслей права, результатом которой является юридический вывод правоприменителя о несоответствии деяния признакам состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК с бланкетной диспозицией.

Внешне может показаться, что предложенный Н.В. Радошновой подход признания в качестве самостоятельного типа правоприменительной декриминализации «скрытой» декриминализации (установление несоответствия деяния признакам состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК с бланкетной диспозицией) не содержит противоречий, поскольку в конечном итоге правоприменитель сам решает вопрос признания деяния преступным при неизменной букве уголовного закона. Однако приведем доводы в качестве обоснования ложности указанного утверждения. Предположим, что факт исключения из перечня лицензируемой деятельности какого-либо из ее видов отменяет противоправность ст. 233 УК, влекущей ответственность за предпринимательскую деятельность, осуществляемую без специального разрешения. Если учесть, что такая декриминализация произошла на момент принятия решения правоприменителем, то очевидно, что как противоправности, так и общественной опасности указанных действий уже не существовало, поскольку в бланкетное законодательство были внесены соответствующие изменения. Поэтому вести речь о несоответствии деяния признакам состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части УК с бланкетной диспозицией, ошибочно, поскольку уже изначально нет самого события преступления. Таким образом, выходит, что правоприменитель вовсе непричастен к декриминализации, ее провел сам законодатель.

Рассуждая о правоприменительной декриминализации нельзя обойти вниманием вопрос ее отграничения от освобождения от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК). Сходство указанных правовых явлений обусловлено утратой общественной опасности деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность в силу изменения обстановки, т.е. объективных преобразований той или иной сферы общественной жизни. По этому поводу Е.В. Новикова отмечает, что ст. 87 УК позволяет скорректировать возможные опоздания в декриминализации утративших общественную опасность деяний по причине изменения обстановки [13, с. 215]. В научной литературе можно встретить примеры применения ст. 87 УК в случаях, когда выясняется, что существует план по затоплению территории, на которой ранее производилась незаконная порубка деревьев и кустарников, или утерянный документ, содержащий государственные секреты, утрачивает данный статус [13, с. 216]. Статья 87 УК может применяться тогда, когда произошла законодательная декриминализация, однако внесенные изменения и дополнения в УК еще не вступили в законную силу. Так, Э.А. Саркисова отмечает, что освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности имеет место при изменении правовой оценки законодателем того или иного деяния при принятии нового УК или при внесении в него изменений в период, когда до вступления его в действие или до вступления в действие отдельных статей в новой редакции применяется еще действующий УК, предусматривающий ответственность за деяния, которые по новому УК или по новой его редакции уже не признаются преступными [14, с. 446].

Отличия рассматриваемых явлений можно обнаружить в следующем. Во-первых, при анализе условий применения ст. 87 УК, которыми являются:

- 1) совершенное преступление должно быть не представляющим большой общественной опасности или менее тяжким;
- 2) имеет место изменение обстановки после совершения преступления;
- 3) деяние утратило характер общественно опасного при его сохранении в УК в качестве преступного, либо
- 4) лицо перестало быть общественно опасным.

Для правоприменительной декриминализации присуще третье из названных условий, первое представляется не обязательным, а второе и четвертое являются нехарактерными. Во-вторых, освобождению от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности, в отличие от правоприменительной декриминализации, может предшествовать законодательная декриминализация. В-третьих, при освобождении от уголовной ответственности рассматриваемого вида (до изменения обстановки) имеет место юридический факт, являющийся основанием для наступления уголовной ответственности – совершение преступления. При правоприменительной декриминализации совершение виновно общественно опасного деяния, запрещенного УК и признаваемого преступлением, нет. В-четвертых, при освобождении от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности, общественная опасность посягательства существует в момент его совершения и отпадает в дальнейшем вследствие произошедшего объективного изменения обстановки после совершения преступления. При правоприменительной декриминализации общественная опасность посягательства в момент совершения деяния отсутствует.

Рассматривая содержание правоприменительной декриминализации и анализируя научные воззрения на ее правовую природу, можно предположить, что таковая распространяет свое действие как на уголовно-противоправные деяния, изначально не обладающие общественной опасностью, свойственной преступлению, так и на преступные деяния, впоследствии утратившие свою общественную опасность. Полагая, что такой вывод необоснованно широко трактует анализируемое нами правовое явление. Считаем, что правоприменительная декриминализация имеет место лишь в отношении уголовно-противоправных деяний, изначально не обладающих общественной опасностью, свойственной преступлению. Если совершенное виновное деяние являлось противоправным и общественно опасным, однако впоследствии в новых условиях его общественная опасность была утрачена, то в данной ситуации следует вести речь не о правоприменительной декриминализации, а о законодательной декриминализации либо об освобождении от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности.

Таким образом, правоприменительная декриминализация и освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК) – различные по своей правовой природе уголовно-правовые явления. Утверждать об освобождении от уголовной ответственности при правоприменительной декриминализации ошибочно, так как отсутствует юридический факт, являющийся основанием для ее наступления – совершение преступления. Тем не менее, отвечая на возможные возражения наших оппонентов по данному вопросу, отметим, что понимание содержания уголовной ответственности – это извечная терминологическая проблема³, которая никогда не прекратится. Как представляется, точку в ее разрешении поставил законодатель, закрепив в ст. 44 УК, что уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК.

Не менее важным, как представляется, является вопрос отграничения правоприменительной декриминализации от института обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку оба указанных юридических феномена признают совершенное деяние не преступным. Их различия, на наш взгляд, выражаются в следующем. При правоприменительной декриминализации деяние, предусмотренное уголовно-правовой нормой, изначально не является общественно опасным, однако сохраняет свою противоправность. При обстоятельствах, исключающих преступность деяния, причинение существенного вреда правоохраняемым объектам признается правомерным, т.е. общественно-полезным. Более того, в юридической литературе обращается внимание на то, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, исключают не только противоправность, но и общественную опасность, а тем самым в конечном итоге преступность содеянного [15, с. 410–411]. Также следует обратить внимание и на то, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, в отличие от правоприменительной декриминализации, характеризуют не само деяние, а обстановку, в которой оно было совершено и которая вызвала данное деяние.

Наряду со сказанным видится уместным исследовать вопрос о возможности отнесения к правоприменительной декриминализации судебного толкования уголовно-правовых норм, которое может устранять либо сокращать ответственность при неизменной букве уголовного закона. Как известно, субъектами судебного толкования могут выступать Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, разъясняющий в своих постановлениях уголовно-правовые нормы, вызывающие особые затруднения в их правовой оценке, а также Конституционный Суд Республики Беларусь, который дает заключения о соответствии либо несоответствии Конституции Республики Беларусь действующих норм УК.

Так, Пленум Верховного Суда в п. 6 постановления № 10 от 25 сентября 1997 г. «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг» указал на то, что если умысел виновного при изготовлении денежных знаков ... либо их сбыте был направлен на обман потерпевшего (вследствие плохого зрения, ограниченной видимости при сбыте подделки, некомпетентности либо неосведомленности и т.п.), а поддельные деньги... не могли участвовать в обороте в результате грубого характера подделки, то действия виновного подлежат квалификации по ст. 209 УК как мошенничество. Учитывая то, что уголовная ответственность за мошенничество, в соответствии с примечанием 4 к гл. 24 УК, наступает, когда потерпевшему физическому лицу причинен ущерб на сумму, превышающую двукратный размер базовой величины, а потерпевшему юридическому лицу – на сумму, превышающую десятикратный размер базовой величины, то становится очевидным, что указанным толкованием произведена фактическая декриминализация изготовления или хранения в целях сбыта либо сбыт «грубо» поддельных денег физическому лицу до двух, а юридическому лицу – до десяти базовых величин. Так, например, лицо, изготовившее посредством использования струйного цветного принтера десять долларов США

³ В науке уголовного права существует множество подходов к определению понятия уголовной ответственности, которые можно свести к двум основным. В широком понимании уголовная ответственность – это обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия совершенного деяния. В узком понимании уголовная ответственность – это применение к лицу наказания или иных мер за совершенное им преступление. Более подробно см. [14, с. 313–317].

и сбывшее данную купюру потерпевшему на рынке в качестве оплаты за приобретенный товар, не будет нести ответственность ни за мошенничество, ни за подделку и сбыт указанной купюры. Это обусловлено тем, что ущерб потерпевшему причинен на сумму менее двух базовых величин и характер подделки правоприменителем указанной купюры будет признан «грубым». При отсутствии признака «грубой» подделки указанные деяния вне зависимости от размера причиненного ущерба потерпевшему повлекут ответственность по ст. 221 УК за изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег.

Примером о признании норм уголовного закона, несоответствующих Конституции Республики Беларусь, может являться Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь № 3-10/94 от 19 декабря 1994 г. «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь», которое признало несоответствующим Конституции Республики Беларусь введенное 1 мая 1994 г. примечание к статье 177 УК Республики Беларусь 1960 г. (Заведомо ложное показание) следующего содержания: «Не подлежат ответственности за преступления, предусмотренные статьями 177, 178, 185 и 186 настоящего Кодекса, близкие родственники лица, совершившего преступления, перечисленные в пункте 9 статьи 22 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь». Указанное примечание было признано несоответствующим Конституции Республики Беларусь в части сохранения возможности привлечения к ответственности за недонесение о преступлении (ст. 186 УК) и отказ от дачи показаний (ст. 178 УК) членов семьи, не являющихся близкими родственниками лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, а также сохранения ответственности членов семьи и близких родственников лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за недонесение о государственных преступлениях (ст. 86 УК). Таким образом, Конституционный Суд Заключением, вступившим в силу 19 декабря 1994 г., указанные законодательные положения признал не имеющими юридической силы. Учитывая, что примечание к ст. 177 УК было приведено в соответствие с вышеназванным Заключением лишь Законом Республики Беларусь от 6 июня 1996 г., то можно заметить, что более полутора лет в УК находилась недействующая правовая норма.

Как видим, толкование Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь и Конституционным Судом Республики Беларусь уголовно-правовых норм фактически устранило их действие при неизменной букве уголовного закона. Можно ли относить указанное судебное толкование к правоприменительной декриминализации? Следует ответить на этот вопрос отрицательно по ряду соображений. Во-первых, согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь № 130-3 от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь являются нормативными правовыми актами, а Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, обличающий судебное толкование в правовую норму, – нормотворческим органом. Во-вторых, Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь, хотя и не выступает одним из форм нормативного правового акта, но на основании ч. 1–3 ст. 85 Закона Республики Беларусь № 124-3 от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве» является основанием для прекращения действия нормативного правового акта, не соответствующего Конституции Республики Беларусь, и внесения в него соответствующих изменений и (или) дополнений, является окончательным, обжалованию и опротестованию не подлежит, а также не требует подтверждения другими государственными органами, иными организациями и должностными лицами. Это свидетельствует о том, что Заключение Конституционного Суда создает предпосылку для законодательной декриминализации ошибочно принятых уголовно-правовых норм. В-третьих, судебное толкование Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь и Конституционным Судом Республики Беларусь уголовно-правовых норм не устраняет общественную опасность, закрепленных в них деяний, а констатирует отсутствие их противоправности, чем формирует правовую позицию, обязательную для исполнения. При этом, позиция Пленума Верховного Суда Республики Беларусь выражена в норме права. В-четвертых, правовая позиция Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Конституционного Суда Республики Беларусь адресована на индивидуально неопределенный круг правоприменителей и рассчитана на неоднократное ее применение. В-пятых, судебное толкование в конечном итоге относится к подлежащей применению уголовно-правовой норме, а не к запрещенному ею деянию.

Учитывая вышеизложенное судебное толкование уголовно-правовых норм, устраняющее либо сокращающее ответственность при неизменной букве уголовного закона, следует относить не к правоприменительной декриминализации, а к правоприменительной экономии уголовно-правового воздействия. Данный вывод подтверждается и анализом признаков, присущих правоприменительной декриминализации. Для уяснения сущности правоприменительной декриминализации предлагаем выделить следующие, характерные ей признаки:

- 1) субъектом правоприменительной декриминализации является исключительно правоприменитель (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья);
- 2) при правоприменительной декриминализации норма уголовного закона, подлежащая применению, не декриминализована и продолжает функционировать;
- 3) правоприменительная декриминализация адресована совершенному деянию, а не правовой норме;

4) правоприменительная декриминализация имеет место тогда, когда в содеянном внешне содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, но отсутствует общественная опасность, свойственная преступлению;

5) основанием правоприменительной декриминализации является правосознание правоприменителя, влекущее отмену действия нормы уголовного закона о признании деяния преступным;

6) правоприменительная декриминализация не является массовой, каждое решение о ее применении является уникальным, действует только для конкретного лица и конкретного деяния;

7) при правоприменительной декриминализации сокращение (сужение) преступности деяния немислимо, поскольку преступность содеянного вовсе исключается ввиду отсутствия события преступления;

8) при правоприменительной декриминализации утверждать об освобождении лица от уголовной ответственности ошибочно, так как отсутствует юридический факт совершения преступления, являющийся основанием для ее наступления;

9) процессуальным оформлением правоприменительной декриминализации является вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (постановления о прекращении предварительного расследования, оправдательного приговора) с применением к лицу мер административного или дисциплинарного взыскания либо без применения указанных мер;

10) правоприменительная декриминализация носит безусловный характер, т.е. не может быть отменена в последующем.

Необходимо отметить, что правоприменительную декриминализацию следует понимать как процесс и результат правоприменительной деятельности, однако в отличие от законодательной декриминализации, по своему объему она не может быть частичной, так как полностью исключает общественную опасность содеянного, а по динамике – более или менее интенсивной, поскольку характеризуется однократным применением в отношении определенного лица и совершенного им деяния.

Анализ выделенных нами признаков дает основание считать правоприменительной декриминализацией категорию малозначительности деяния, получившую нормативное закрепление в ч. 4 ст. 11 УК. Данная уголовно-правовая категория становилась предметом и нашего самостоятельного исследования [16], однако до настоящего времени она остается одной из наиболее сложных для понимания в доктрине уголовного права и правоприменительной деятельности.

Согласно ч. 4 ст. 11 УК не является преступлением действие или бездействие, формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим кодексом, но в силу малозначительности не обладающее общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Наукой уголовного права разработаны условия и критерии признания деяния малозначительным, которые по своей правовой природе отождествляют малозначительность деяния с правоприменительной декриминализацией. Так, малозначительному деянию присущи два условия: 1) деяние формально содержит все признаки состава преступления – является уголовно противоправным; 2) в содеянном отсутствует присущий преступлению признак – общественная опасность [17, с. 55]. При этом установление в содеянном признака общественной опасности осуществляется посредством объективного и субъективного критериев. Объективный критерий выражается в том, что деяние не причинило вообще никакого вреда либо причиненный вред является явно незначительным, а субъективный критерий характеризуется тем, что умысел лица должен быть направлен именно на совершение малозначительного деяния, т.е. лицо, его совершающее осознает, что в результате такого деяния не может быть причинен существенный вред отношениям (интересам), охраняемым уголовным законом [14, с. 90].

В юридической литературе выделяют два вида малозначительности деяния, критерием разграничения которых выступает содержательное качество содеянного: первая разновидность малозначительных деяний связывается со случаями совершения действия (бездействия), формально содержащего признаки преступления, но не представляющего общественной опасности; вторая – с наличием определенного уровня общественной опасности, по содержанию не превышающего административного или дисциплинарного проступка [18, с. 63]. Заметим, что ключевой составляющей малозначительности деяния, как и для правоприменительной декриминализации, является материальный признак преступления – общественная опасность. Данный признак понимается в уголовно-правовой теории как свойство деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям [14, с. 79]. Общественная опасность представляет собой оценочную категорию и не имеет ни однозначного определения, ни перечня точных критериев. Она как фантом, призрак, иллюзия, фикция, не существует в объективной уголовно-правовой реальности и не может быть воспринята визуально в качестве объекта или предмета, несмотря на то, что именуется материальным признаком. Фантомность общественной опасности выражается в том, что данный признак, хотя и находит свое внешнее проявление в законодательном оформлении и структуризации конкретных видов преступлений, тем не менее, сокрыт в своих внутренних системно-

содержательных, качественно-количественных свойствах, и на этом основании не всегда находится под властью правоприменителя [19, с. 668]. Как правильно отмечает А.В. Шеслер, содержательно признак общественной опасности преступления не всегда является постоянным, так как изменяются социальные условия, лежащие в основе уголовно-правового запрета. Это влечет динамизм уголовного закона, который реагирует на появление новых отношений или на их качественное изменение, а также на правовую оценку отдельных видов поведения. Таким образом, меняется содержание общественной опасности преступления, а за этим – его законодательное (формальное) описание [20, с. 30]. Правоприменитель, учитывая в каждом конкретном случае фактические обстоятельства, имеющиеся в деле, принимает решение о признании деяния общественно опасным либо нет, то есть определяет, причинен ли в результате совершения деяния существенный вред, могло данное деяние причинить такой вред или нет. Разрешение указанного вопроса определяет правовую оценку малозначительности деяния и одновременно иллюстрирует наличие либо отсутствие в конкретной ситуации правоприменительной декриминализации.

Оценочные категории по-разному могут интерпретироваться в зависимости от уровня правосознания и юридической грамотности лица, применяющего уголовный закон. Если он профессионален, ему удастся качественная интерпретация оценочных категорий, а если нет, то толкование и правоприменение могут быть ошибочными. Возникающие сложности в обеспечении правоприменителями единства понимания общественной опасности обусловлены отсутствием соответствующих законодательных разъяснений и должной юридической грамотности правоприменителя.

С вопросом признания деяния общественно опасным тесно граничит вопрос разрешения законодательных проблем УК, выражающихся в межотраслевой рассогласованности уголовного и административного законодательства, а также формулирования квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений Особенной части УК, не связанных с совершением деяния, образующего основной состав этих преступлений. Данные проблемы более подробно проанализированы нами в самостоятельном исследовании [16]. Полагаем, указанные законодательные проблемы следует назвать проблемами реализации правоприменительной декриминализации и они могут быть разрешены при помощи инструментария малозначительности деяния.

Ряд ученых, исследующих декриминализацию, полагают, что решение указанного вопроса должно составлять исключительную прерогативу законодателя и не предполагать оценочную деятельность правоприменителя [21, с. 41]. Так, В.Н. Кудрявцев отмечает, что декриминализация вопреки закону – недостаток следственной, прокурорской, а иногда судебной практики, с которым необходимо решительно бороться [4, с. 31]. По мнению Г.В. Крылова, отсутствует необходимость введения в теорию уголовного права и практику применения уголовного закона института «судебно-следственной декриминализации» [9, с. 15]. Такого же мнения придерживается и А.А. Гравина [22, с. 75]. А.Д. Нечаев и вовсе убежден, что идея деления декриминализации по формам ее осуществления на законодательную и правоприменительную не имеет под собой серьезных оснований, поскольку декриминализация всегда носит законодательный характер [23, с. 200–203].

Полагаем, что подобные выводы исследователей основаны на том, что ими не обнаружена законодательная основа правоприменительной декриминализации и не ясен юридический документ, являющийся результатом ее процессуального оформления. И это понятно, поскольку при правоприменительной декриминализации изменяется не норма уголовного закона, а его толкование правоприменителем, которое дается в легализации. Однако, по нашему мнению, подобные выводы представляются поспешными и не учитывающими потенциал анализируемого правового явления. Такая основа существует – она содержится в нормативном предписании, закрепленном в ч. 4 ст. 11 УК. Мы убеждены в том, что правоприменительная декриминализация это ни что иное, как процесс или результат данного процесса, заключающийся в принятии решения правоприменителем о признании деяния непроступным ввиду его малозначительности. Иных типов правоприменительной декриминализации, а равно иных правовых оснований ее применения не существует и их не следует искать. Документами, являющимися результатом процессуального оформления правоприменительной декриминализации, выступают постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – в отношении уголовно-противоправных деяний, не обладающих общественной опасностью, свойственной преступлению, либо постановление о прекращении предварительного расследования или оправдательный приговор – в отношении деяний, изначально ошибочно признанных правоприменителем общественно опасными, но таковыми не являвшимися в виду малозначительности. Поскольку реализация уголовно-правовой политики осуществляется посредством нормотворчества и правоприменения, а одним из методов реализации уголовно-правовой политики выступает декриминализация, то очевидно, что данный метод распространяет свое действие как на сферу нормотворчества, так и на сферу правоприменения. Поэтому считаем оправданной и расширяющей научные представления ученых, предложенную в науке уголовного права, идею деления декриминализации по формам ее осуществления на законодательную и правоприменительную, а позицию отдельных авторов [24], не избравших правоприменительную декриминализацию объектом своего исследования – напрасным и необоснованным.

Мы согласны с В.Н. Кудрявцевым в том, что при правоприменительной декриминализации существует риск непривлечения к ответственности лиц, заведомо совершивших преступления и фактической безнаказанности преступников [4, с. 31]. Однако такой риск есть не только при анализируемом нами явлении, но и при толковании оценочных признаков, содержащихся в УК – это общая проблема применения норм уголовного закона. Ее следует решать путем разъяснений указанных норм законодателем, уменьшения использования оценочных признаков, использования единой терминологии в УК, а также повышения юридической грамотности правоприменителя. Эти меры позволят избежать чрезмерно широких пределов усмотрения и, как следствие, нарушения уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности и справедливости по конкретному делу.

Важным представляется отметить, что правоприменительную декриминализацию следует рассматривать как одну из составляющих правоприменительной экономии уголовно-правового воздействия. Правоприменительная декриминализация является средством определения границ преступного правоприменителем, отражает тенденцию гуманизации и либерализации практики применения уголовного закона, устраняя его карательный потенциал. Она позволяет разрешить недостатки нормотворческой техники – проблемы, связанные с межотраслевой несогласованностью уголовного и административного законодательства, а также формулирования квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений Особенной части УК, не связанных с совершением деяния, образующего основной состав этих преступлений. Правоприменительная декриминализация оказывает непосредственное влияние на снижение нагрузки на органы предварительного расследования, суды, а также уголовно-исполнительную систему. Нельзя обойти вниманием и предупредительную направленность правоприменительной декриминализации, которая обеспечивается применением к лицам, совершившим деяния, не содержащие общественной опасности, присущей преступлению, мер общественного воздействия или иных не уголовно-правовых мер государственного принуждения. Именно поэтому мы категорически не согласны с мнением исследователей о том, что правоприменительная декриминализация – это недостаток правоприменения, наоборот, она является его достоинством, способствующим реализации принципа справедливости уголовного закона и уголовной ответственности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет нам сформулировать следующие выводы.

1. Существующую в науке уголовного права идею деления декриминализации по формам ее осуществления на законодательную и правоприменительную следует считать оправданной, расширяющей научные представления относительно указанного явления.

2. Правоприменительной декриминализации присущи следующие признаки:

1) ее субъектом является исключительно правоприменитель;

2) при ней норма уголовного закона, подлежащая применению, не декриминализована и продолжает функционировать;

3) она адресована совершенному деянию, а не правовой норме;

4) она имеет место тогда, когда в содеянном внешне содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, но отсутствует общественная опасность, свойственная преступлению;

5) ее основанием является правосознание правоприменителя, влекущее отмену действия нормы уголовного закона о признании деяния преступным;

6) она не является массовой, каждое решение о ее применении является уникальным, действует только для конкретного лица и конкретного деяния;

7) при ней сокращение (сужение) преступности деяния немыслимо, поскольку преступность содеянного вовсе исключается ввиду отсутствия события преступления;

8) при ней утверждать об освобождении лица от уголовной ответственности ошибочно, так как отсутствует юридический факт совершения преступления, являющийся основанием для ее наступления;

9) ее процессуальным оформлением является вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (постановления о прекращении предварительного расследования, оправдательного приговора) с применением к лицу мер административного или дисциплинарного взыскания либо без применения указанных мер;

10) она носит безусловный характер, т.е. не может быть отменена в последующем.

3. Правоприменительная декриминализация – это метод уголовно-правовой политики, представляющий собой процесс или результат данного процесса, заключающийся в принятии решения правоприменителем о признании деяния непроступным ввиду его малозначительности. Законодательной основой правоприменительной декриминализации является норма, предусмотренная в ч. 4 ст. 11 УК. Иных типов правоприменительной декриминализации, а равно иных правовых оснований ее применения не существует и их не следует искать. Освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК), обстоятельства, исключаящие преступность деяния (Гл. 6 УК), а также судебное толкование уголовно-правовых норм, устраняющее либо сокращающее ответственность, не являются правоприменительной декриминализацией, т.к. не соответствуют признакам последней.

4. Проблемы, связанные с реализацией правоприменительной декриминализации, необходимо решать путем разъяснений уголовно-правовых норм законодателем, уменьшения использования оценочных признаков, использования единой терминологии в УК, повышением юридической грамотности правоприменителя. Эти меры позволят избежать чрезмерно широких пределов усмотрения и, как следствие, нарушения уголовно-правовых принципов равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности и справедливости по конкретному делу.

5. Правоприменительная декриминализация является одной из важнейших составляющих правоприменительной экономики уголовно-правового воздействия, способствующих реализации принципа справедливости уголовного закона и уголовной ответственности. Она является средством определения границ преступного правоприменителя, отражает тенденцию гуманизации и либерализации практики применения уголовного закона, устраняя его карательный потенциал, позволяет разрешить недостатки нормотворческой техники – проблемы, связанные с межотраслевой рассогласованностью уголовного и административного законодательства, а также формулирования квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений Особенной части УК, не связанных с совершением деяния, образующего основной состав этих преступлений. Правоприменительная декриминализация обладает высоким превентивным потенциалом, обеспечиваемым путем применения к лицам, совершившим деяния, не содержащие общественной опасности, присущей преступлению, мер общественного воздействия или иных не уголовно-правовых мер государственного принуждения, оказывает непосредственное влияние на снижение нагрузки на органы предварительного расследования, суды, а также уголовно-исполнительную систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопашенко, Н.А. Введение в уголовное право : учеб. пособие / Н.А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 213 с.
2. Рарог, А.И. Репрессивный крен Российской уголовной политики / А.И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 88–95.
3. Соловьев, И.Н. Реализация уголовной политики России в сфере налоговых преступлений: проблемы и перспективы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.Н. Соловьев. – М., 2004. – 547 л.
4. Кудрявцев, В.Н. Криминализация как способ осуществления уголовной политики / В.Н. Кудрявцев // Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель [и др.] ; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – С. 11–32.
5. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.
6. Духовник, Ю.Е. Уголовно-правовая политика Республики Беларусь / Ю.Е. Духовник // Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С.В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А.Л. Савенка, В.С. Яловики ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 8–20.
7. Наумов, А.В. Российское уголовное право : курс лекций. В 2 т. / А.В. Наумов. – М. : Юрид. лит., 2004. – Т.1. Общая часть. – 496 с.
8. Радошнова, Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.В. Радошнова. – СПб., 2015. – 276 л.
9. Крылов, Г.В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.В. Крылов ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т. МВД СССР. – М., 1986. – 23 с.
10. Злобин, Г.А. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности / Г.А. Злобин, С.Г. Келина, А.М. Яковлев // Советское государство и право. – 1977. – № 9. – С. 54–62.
11. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. – М. : Изд. БЕК, 1996. – 560 с.
12. Веселов, Е. Граница преступного и непроступного / Е. Веселов // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 12–14.
13. Новикова, Е.В. Гл. 12 (ст. 87) / Е.В. Новикова // Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / Т.П. Афонченко [и др.] ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск : Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 215–216.
14. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. / Э.А. Саркисова ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2017. – 559 с.
15. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А.А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 666 с.
16. Ковальчук, А.В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления / А.В. Ковальчук ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Академия МВД, 2016. – 118 с.
17. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. / Н.А. Бабий. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2013. – 688 с.
18. Савенок, А.Л. Понятие и признаки преступления / А.Л. Савенок // Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С.В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А.Л. Савенка, В.С. Яловики / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 55–74.
19. Ковальчук, А.В. Фантом общественной опасности в уголовном законе и ее идентификация в правоприменительной практике / А.В. Ковальчук // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сб. тр. XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23-24 янв. 2020 г. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 667–670.

20. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика : учеб. пособие / А.В. Шеслер. – изд. 2-е, испр. и доп. – Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. – 78 с.
21. Владимиров, В.А. Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. – М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. – 130 с.
22. Гравина, А.А. Теоретические основы криминализации и декриминализации. § 1. Понятие криминализации и декриминализации и их формы / А.А. Гравина // Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / В.П. Кашепов [и др.] ; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. – С. 65–87.
23. Нечаев, А.Д. К вопросу о правоприменительной и оценочной формах (де)криминализации: pro et contra / А.Д. Нечаев // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 20 окт. 2016 г. / Акад. управления МВД России. – М. : Акад. управления МВД России, 2017. – С. 200–203.
24. Митюкова, Ю.А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.А. Митюкова ; Моск. ун-т МВД РФ им. В.Я. Кикотя. – М., 2020. – 27 с.

REFERENCES

1. Lopashenko, N.A. (2009). *Vvedenie v ugovolnoe pravo*. Moscow: Volters Kluver. (In Russ.).
2. Rarog, A.I. (2014). Repressivnyj kren Rossijskoj ugovolnoj politiki // *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. (3), 88–95. (In Russ.).
3. Solov'ev, I.N. (2004). *Realizaciya ugovolnoj politiki Rossii v sfere nalogovyh prestuplenij: problemy i perspektivy*. Moscow.
4. Kudryavcev, V.N. (1982). Kriminalizaciya kak sposob osushchestvleniya ugovolnoj politiki. In V.N. Kudryavcev (Elds.) & A.M. Yakovlev (Elds.) *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya*. Moscow: Nauka, 11–32. (In Russ.).
5. Korobeev, A.I. (1987). *Sovetskaya ugovolno-pravovaya politika: problemy kriminalizacii i penalizacii*. Vladivostok: Izdanie Dal'nevostochnogo universiteta. (In Russ.).
6. Duhovnik, Yu.E. (2020). Ugovolno-pravovaya politika Respubliki Belarus' In A.L. Savenok (Elds.) & V.S. Yalovik (Elds.) *Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'*. Minsk : Akademiya MVD Respubliki Belarus', 8–20. (In Russ.).
7. Naumov, A.V. (2004). *Rossijskoe ugovolnoe pravo in 2 Vol. Vol. 1. Obshchaya chast'*. Moscow: Yuridicheskaya literatura (In Russ.).
8. Radoshnova, N.V. (2015). *Kriminalizaciya (dekriminalizaciya) v ugovolnom prave Rossii*. Saint-Petersburg. (In Russ.).
9. Krylov, G.V. (1986). *Problemy dekriminalizacii deyanij v sovetskom ugovolnom prave*. Moscow. (In Russ.).
10. Zlobin, G.A., Kelina, S.G., Yakovlev, A.M. (1977). Sovetskaya ugovolnaya politika: differenciaciya otvetstvennosti. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. (9), 54–62. (In Russ.).
11. Naumov, A.V. (1996). *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'*. Moscow: BEK. (In Russ.).
12. Veselov, E. (2004). Granica prestupnogo i neprestupnogo. *Ugovolnoe pravo*. (3), 12–14. (In Russ.).
13. Novikova, E.V. (2019). Gl. 12 (st. 87) In V.M. Homich (Elds.), A.V. Barkov (Elds.), V.V. Marchuk (Elds.) *Ugovolnyj kodeks Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskij kommentarij*. Minsk: Nacional'nyj centr pravovoj informacii Respubliki Belarus', 215–216. (In Russ.).
14. Sarkisova, E.A. (2017). *Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus'. (In Russ.).
15. Piontkovskij, A.A. (1961). *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava: Obshchaya chast'*. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.).
16. Koval'chuk, A.V. (2016). *Maloznachitel'nost' deyaniya kak sredstvo opredeleniya granic prestupnogo: pravovaya priroda, problemy pravoprimeneniya i zakonodatel'nogo zakrepleniya*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus'. (In Russ.).
17. Babij, N.A. (2013). *Ugovolnoe pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'*. Minsk: GIUST BGU. (In Russ.).
18. Savenok, A.L. (2020). Ponyatie i priznaki prestupleniya In A.L. Savenok (Elds.) & V.S. Yalovik (Elds.) *Ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'*. Minsk : Akademiya MVD Respubliki Belarus', 55–74. (In Russ.).
19. Koval'chuk, A.V. (2020). Fantom obshchestvennoj opasnosti v ugovolnom zakone i ee identifikaciya v pravoprimenitel'noj praktike In *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*. Moscow: RG-Press, 667–670. (In Russ.).
20. Shesler, A.V. (2018). *Ugovolno-pravovaya politika*. Novokuzneck: FKOУ ВО Kuzbasskij institut FSIN Rossii. (In Russ.).
21. Vladimirov, V.A. & Lyapunov, Yu.I. (1979). *Sovetskaya ugovolnaya politika i ee otrazhenie v dejstvuyushchem zakonodatel'stve*. Moscow: Akademiya MVD SSSR. (In Russ.).
22. Gravina, A.A. (2018). Teoreticheskie osnovy kriminalizacii i dekriminalizacii. §1. Ponyatie kriminalizacii i dekriminalizacii i ih formy In V.P. Kашepov (Elds.) *Kriminalizaciya i dekriminalizaciya kak formy preobrazovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva*. Moscow: ООО «Yuridicheskaya firma KONTRAKT», 65–87. (In Russ.).
23. Nechaev, A.D. (2017). K voprosu o pravoprimenitel'noj i ocenочноj formah (de)kriminalizacii: pro et contra. In *Ugovolnaya politika Rossii na sovremenном etape: sostoyanie, tendencii, perspektivy*. – Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 200–203. (In Russ.).
24. Mityukova, Yu.A. (2020). *Dekriminalizaciya prestuplenij: teoreticheskij i prakticheskij aspekty*. Moscow. (In Russ.).

Поступила 09.02.2021

**LEGAL ENFORCEMENT DECRIMINALIZATION
IN THE CONTEXT OF ECONOMY OF CRIMINAL IMPACT MEASURES:
CONCEPT, SIGNS AND IMPLEMENTATION PROBLEMS**

A. KOVALCHUK

The article examines decriminalization, which is a method of criminal law policy. The author substantiates the division of decriminalization according to the forms of its implementation into legislative and law enforcement. The legal nature of law enforcement decriminalization is analyzed. On the basis of the features identified by the author, its concept is formulated. The problems of the implementation of law enforcement decriminalization associated with the interpretation of evaluative features, the presence of legislative problems expressed in the intersectoral inconsistency of criminal and administrative legislation, as well as the formulation of qualifying signs of individual offenses that are not related to the commission of an act that forms the main body of these crimes are noted. Based on the study, analysis of legislation and theoretical views, a conclusion is made about the existence of a legislative basis for law enforcement decriminalization, it is argued that the phenomenon under study is one of the most important components of the law enforcement economy of criminal law impact, contributing to the implementation of the principle of fairness of criminal law and criminal liability.

Keywords: *decriminalization, criminalization, insignificance of the act, methods of criminal law policy, law enforcement decriminalization, criminal law policy, discretion of the law enforcement officer.*